

ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА КАК ФАКТОР ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Тенденции и причины резкого снижения рождаемости, депопуляции населения и обезлюживания огромных пространств нашей Родины представляют собой уже не предмет академических споров, а суровые реалии сегодняшнего дня, породившие многообразные негативные социально-экономические и политические последствия. Непосредственными же причинами депопуляции в нашей стране и на Урале являются увеличение примерно в 1,5 раза смертности населения и двукратное падение рождаемости.

В этой связи оценим геополитическую ситуацию вокруг нашей страны в евразийском геополитическом пространстве. Некоторые ее достаточно важные черты были установлены в ходе анализа статистических и прогностических данных, систематизированных и обработанных нами (см. статью «Проблемы воспроизводства человеческого капитала в геополитическом контексте»¹). Дисбаланс в размещении и нарастание этого дисбаланса наблюдается по всем географическим направлениям, кроме европейского: численность населения в странах-соседах России уже сейчас в 13,1 раза превышает численность россиян, в том числе по азиатским странам-соседам в 11,9 раза, а по европейским — в 1,2 раза; к 2050 г. это превышение возрастет до 17,6 раз (по азиатским странам-соседам — в 16,4 раз); одновременно уже к 2025 г. несколько сблизятся различия между разными группами азиатских стран-соседей и Россией по плотности населения — размах вариации здесь уменьшится с 9,1 до 7,7 раз.

Наряду с различиями в *общей демографической нагрузке* сопоставлялись также *показатели интенсивности демографического давления* на Россию с разных географических направлений. Общая демографическая нагрузка характеризуется соотношением численности населения стран-соседей и нашей страны, а интенсивность демографического давления — соотношением *плотности населения* на один квадратный километр стран-соседей и России. В процессе проведения анализа дисбаланса в размещении человеческого капитала по российскому (евразийскому) региональному геополитическому пространству были сделаны следующие выводы:

- 1) величина общего индекса нагрузки человеческого капитала наших стран-соседей на человеческий капитал России, равная в настоящее время 13, будет продолжать возрастать (на 22% к 2025 г. и на 34% к 2050 г.), что свидетельствует об увеличении и без того очень высокого давления общей массы человеческого капитала наших стран-соседей на человеческий капитал России;
- 2) величины групповых индексов нагрузки человеческого капитала наших стран-соседей на человеческий капитал России существенно различаются по географическим направлениям, при этом с показателем 9,3 доминирует Дальневосточное направление (хотя его доля в суммарной интенсивности давления человеческого капитала всех стран-соседей и понизится с 71% в 2001 г. до 62,1% в 2050 г.);
- 3) опережающими темпами в предстоящие годы будет нарастать интенсивность давления человеческого капитала стран-соседей России на ее человеческий капитал по Центральноазиатскому направлению (групповой индекс последнего увеличится в 2,4 раза, тогда как по Дальневосточному направлению только на 18%, а по Европейскому прогнозируется даже снижение интенсивности давления человеческого капитала стран-соседей на 6%);
- 4) главная причина невыгодного и опасного для России геополитического дисбаланса — низкая плотность заселения ее территории (в 3–4 раза ниже, чем по промышленно развитым странам) при явной перенаселенности большинства наших стран-соседей, в которых средняя плотность населения по отношению к аналогичному российскому показателю достигает 10,1;
- 5) интенсивность давления человеческого капитала стран-соседей на человеческий капитал России постоянно растет почти по всем географическим направлениям (кроме Европейского) и достигнет к 2050 г. значений от 11,2 по Ближневосточному до 16,5 по Дальневосточному направлению;
- 6) общая нагрузка и интенсивность давления человеческого капитала стран-соседей на человеческий нашей страны характеризуют увеличивающийся социально-экономический потенциал международного сотрудничества и/или потенциал демографической экспансии (их соотно-

шение, зависящее от развития мировой политической обстановки и интенсивности протекания интеграционных процессов, практически невозможно предвидеть);

7) Россия может повысить вероятность добрососедского сосуществования и экономического взаимодействия в региональном геополитическом пространстве, если сумеет в ближайшие 10–15 лет изменить тип воспроизводства населения, перейти к расширенному его воспроизводству и обеспечить высокие, устойчивые темпы роста национальной и региональной экономики.

При определении стратегии экономического и социально-демографического развития различных районов нашей страны необходимо учитывать не только внутренние факторы, но и чрезвычайно важные внешние условия дальнейшего развития российских территорий. Речь идет об обеспечении региональной безопасности, основные аспекты которой рассматриваются нами далее на примере Уральского федерального округа (УРФО).

Региональная безопасность УРФО имеет как *внешнюю*, так и *внутреннюю* обращенность. Ее внешняя обращенность сводится к формированию возможностей предотвратить/отразить угрозы экспансии со стороны сопредельных государств — экспансии внешнеэкономической, демографической и (нельзя исключать этого) военной. Для обеспечения российских интересов от посягательств извне в любых формах создано Юго-Восточное региональное управление Федеральной Пограничной службы России, дислоцирующееся вдоль российско-казахстанской границы протяженностью 6477 км (из них 869 км приходится на Челябинскую область, 574 км — на Курганскую область, 1880 км — на Оренбургскую область).

Юго-Восточное региональное управление ФПС России в своей деятельности руководствуется Законом РФ «О государственной границе Российской Федерации» и «Основами пограничной политики Российской Федерации». И хотя нельзя признать законченной правовую обеспеченность внешнего аспекта системы региональной безопасности УРФО (например, незавершенность международно-правовое оформление границы России с Казахстаном), в целом концептуальная основа внешнего аспекта региональной безопасности все же достаточно проработана в научно-практическом плане.

Совсем иная ситуация с внутренней обращенностью региональной безопасности УРФО. Здесь «terra incognita» почти все: определение понятия и составляющие внутрирегиональной безопасности, ее объекты и субъекты, цели и задачи, методы диагностики достигнутого уровня безопасности, основные угрозы и возможности противостоять им. Вместе с тем иногда встречающееся использование термина «внутренняя геополитика» выглядит надуманным. Более правильно, на наш взгляд, все-таки вести речь о таком интегративном понятии, как *региональная безопасность*, представляющая собой неотъемлемую часть общенациональной безопасности страны в привязке к определенной территории.

Региональная безопасность УРФО складывается из социально-экономической, геополитической и оборонной безопасности. В свою очередь, социально-экономическая безопасность включает в себя: производственную, инновационную, внешнеэкономическую, финансовую, энергетическую, инвестиционную, продовольственную, экологическую и, в особенности, демографическую безопасность. И именно потому, что уже в течение 10 лет численность населения России и всех федеральных округов (включая УРФО) неуклонно сокращается, самого пристального внимания требуют вопросы обеспечения демографической безопасности, а также ее взаимосвязи с экономической безопасностью. Они и есть предмет дальнейшего рассмотрения.

При этом под *демографической безопасностью* нами понимается способность страны, региона, приграничной территории выдерживать (за счет регулирования численности и состава населения, а также путем ускорения социально-экономического развития и развития внешнеэкономического сотрудничества) демографическую нагрузку стран-соседей, противостоять демографической экспансии. *Демографическая экспансия* представляет собой рост интенсивности демографического давления, сопровождаемое нелегитимным проникновением на нашу территорию во всех формах (нелегальном переходе границы, незаконном проживании на российской территории, фактическом захвате спорных и незаселенных участков земли и др.).

Охарактеризуем далее (на материалах входящей в состав УРФО Челябинской области) связь демографической и экономической безопасности. Образованные как сугубо внутренние области бывшего СССР они сыграли значительную роль в создании и реализации оборонного потенциала страны — например, в годы Великой Отечественной войны. Однако политическая история развития нашего общества (и регионального сообщества) сложилась так, что Челябин-

ская, Курганская, и Тюменская области стали пограничными, а их административные границы на протяжении 3323 км приобрели статус границы государственной. Это кардинальным образом изменило всю обстановку.

Вынешняя геополитическая обстановка у южных границ России формируется в ходе сложного стратегического переустройства и пересмотра всей системы международных отношений. Для нее характерны динамизм, крайняя нестабильность, рост напряженности, периодическое обострение существующих и вновь возникающих кризисных ситуаций.

Анализ современной обстановки со всей очевидностью свидетельствует, что вектор потенциальной угрозы национальной безопасности России постепенно смещается на южные и юго-восточные рубежи — прежде всего в Центральную Азию. Именно этот регион все в большей мере становится центром глобальных геополитических интересов ведущих мировых и региональных держав, борющихся за право контроля и обладания колоссальными природными богатствами и путями их транспортировки на мировые рынки. Соответственно возрастает геополитическое значение УРФО и его региональной безопасности как ключевого элемента в обеспечении национальной безопасности России.

Пока же изменение геостратегического положения нашей страны, отодвинутой внутрь Евразийского субконтинента, ограничивает ее возможности по обеспечению безопасности на юго-восточных рубежах. Это способствует крупномасштабному расхищению региональных богатств УРФО, незаконному вывозу стратегически важных сырьевых ресурсов и товаров. Нестабильность обстановки усугубляется низким жизненным уровнем и стран-соседей, и российских приграничных территорий.

Как показали наши исследования, выполненные по УРФО, именно новые приграничные территории — субъекты РФ (к ним относятся Челябинская, Курганская и Тюменская области) являются, как правило, наиболее слабыми в социально-экономическом отношении звеньями в Уральском регионе: душевой объем промышленного производства здесь по приграничным территориям в 1,8 раза ниже, чем по неприграничным, средняя заработная плата на одного работающего в приграничье ниже в 1,6 раза, душевой размер средств консолидированного бюджета по приграничным областям в 2,6 раза ниже.

Не менее значительны внутриобластные различия между приграничными и неприграничными территориями. Для их выявления 24 района Челябинской области были разбиты на следующие две группы: приграничные районы (Брединский, Варненский, Карталинский, Октябрьский, Троицкий, Чесменский) и неприграничные районы (остальные 18 районов и все города, кроме Карталы и Троицка). Социально-демографические характеристики этих групп таковы: приграничные территории занимают 32% общей площади области, но проживает в них только 7,5% всех ее жителей; плотность населения в приграничных районах Челябинской области равна 9,8 чел. на кв. км, а в неприграничных районах Челябинской области — 56,7 чел. на кв. км, или в 5,8 раза выше; доля сельского населения в приграничных районах Челябинской области составляет 44% (в Кустанайской — 50%), а в неприграничных районах Челябинской области — 17%, т.е. в 2,6 раза ниже.

Очевидно, что заселенность приграничных территорий и состав населения как важнейшие предпосылки их хозяйственного освоения и уровня экономического развития многократно хуже, чем по неприграничным районам Челябинской области. Социально-демографические характеристики приграничья здесь (включая этнический состав населения) имеют больше общего с соседним Казахстаном, чем с собственной областью, что таит в себе новые геополитические угрозы уже в недалеком будущем.

Итак, экономическая безопасность тесно связана с демографической безопасностью: экономическая безопасность региона в конечном итоге гарантируется быстрым и устойчивым развитием всех отраслей его хозяйства, а оно, в свою очередь, детерминировано нормальным ходом демографического процесса, который обеспечивает успешное решение задач по развитию экономики соответствующим приращением человеческого капитала (в единстве его количественных и качественных характеристик). Как показал анализ, повышение уровня региональной безопасности УРФО все в большей степени становится одной из приоритетных целей национальной безопасности нашей страны.

Необходимо особо выделить еще один фактор актуализации проблемы включения репродуктивного труда в экономику — возрастающую *потребность в ресурсном обеспечении* (челове-

ческим и интеллектуальным капиталом) *перехода нашей страны к инновационной экономике*. Дело в том, что мерилом состоятельности и благополучия каждой нации в настоящее время становятся уровень ее интеллектуального и духовного развития, а его носителем — яркая творческая личность. Развитые страны, опираясь на научно-технические достижения, собственные и мигрировавшие к ним кадры ученых и специалистов, по-прежнему удерживают интеллектуальную ренту, последовательно наращивая свои конкурентные преимущества. Продолжает сохраняться расхождение мировой экономики на доминирующее ядро и зависимую периферию, в состав которой де-факто входит и Россия. В ВВП развитых стран интеллектуально-информационные ресурсы как сумма элементов иерархически-сетевой структуры достигают 35–45% и продолжают расти.

Россия же, все еще обладая немалыми человеческими активами (в целом образованным населением, опытными рабочими кадрами, знающими специалистами, творчески мыслящими учеными) достигает относительного экономического благополучия преимущественно за счет экспорта сырья, полуфабрикатов и энергоносителей. Человеческие активы в должной мере не трансформируются в интеллектуальные активы, структурные активы и бренд-активы. Наш интеллектуальный капитал используется явно неэффективно, что характерно для традиционной экономики, а не для формирующейся в промышленно развитых странах экономики с доминирующей интеллектуальной составляющей.

Ситуация, крайне опасная для дальнейших судеб российского национального хозяйства и социума, заключается в продолжении ориентации нашей экономики на добычу и экспорт сырья и энергоносителей, не требующих (во всяком случае, до поры до времени) интенсивной научно-технической и инновационной деятельности, что порождает деинтеллектуализацию общества, его деградацию. Такая ориентация закрепляет место нашей страны в системе международного разделения труда как придатка индустриально развитых стран Запада. Одновременно это позволяет последним сохранить благоприятные условия для ускорения перехода к инновационной экономике, тогда как Россия имеет все шансы вообще выбыть из числа промышленно развитых держав.

Переход от инновационно-пассивной к инновационно-активной стратегии для нашей страны весьма актуален, так как за 1990–2001 гг. уровень инновационной активности российских предприятий (измеряемый по доле предприятий, осуществляющих инновационную деятельность, в их общем количестве) упал с 68% в 1990 г. до 10,6% в 2001 г. Между тем уровень инновационной активности в промышленности США, Германии, Японии, Франции составляет 70–82%, что обеспечивает этим странам прочные конкурентные позиции на мировом рынке.

На первый взгляд, успешный переход России к инновационной экономике может быть обеспечен при стабильной и даже уменьшающейся численности ее населения. Однако это не так, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, охарактеризованная выше крайне низкая степень заселенности и хозяйственного освоения восточных и северо-восточных территорий требует, кроме огромных инвестиционных и материально-технических ресурсов, притока десятков миллионов новых рабочих рук, которые могут появиться здесь только при условии быстрого роста общей численности населения страны.

Во-вторых, уникальность демографической ситуации в России и на Урале заключается в том, что наряду с депопуляционными процессами (уменьшением численности населения) происходит ухудшение его качественных характеристик — физического, психического и социального здоровья, образовательно-профессионального потенциала, нравственных и духовных качеств². При таком состоянии человеческого капитала и тенденции тенденциях его изменения переход к инновационной экономике крайне затруднен.

По выражению А. Илларионова, Россия уже бездарно потеряла XX в. и «чтобы не потерять и век грядущий, экономисты и государственные деятели должны извлечь необходимые уроки из весьма поучительного опыта прошедших десятилетий и внести соответствующие коррективы в экономическую политику»³. Таким образом, обеспечение региональной безопасности (демографической и экономической) является эффективным средством перехода к устойчивому режиму расширенного воспроизводства человеческого капитала в количественно-качественном аспекте как необходимого условия инновационного развития.

Примечания

¹ Интеллектуальный капитал: проблемы измерения, учета и управления: Межвузовский сборник. Екатеринбург, 2002. С.76–82.

² Рымашевская. Российский генофонд: качество будущих поколений // Народонаселение. 2000. № 4. С.97–101; Лсоиндова Г.В. Здоровье населения — важнейшая составляющая трудового потенциала региона // Народонаселение. 2000. № 4. С.139–141.

³ Илларионов А. Как Россия потеряла XX столетие // Вопросы экономики. 2000. № 1. С.4–26.

*А.П. Кулин
(Екатеринбург)*

ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМА КРЕДИТОВАНИЯ*

Урал является типичным старопромышленным регионом. Его отраслевая структура была сформирована в период промышленного переворота, а предпосылки складывались в рамках преобразований Петра I в XVIII в. Будучи для того времени регионом нового освоения он должен был удовлетворить потребность государства в качественном металле. Эта специализация территории постепенно расширялась в связи со складыванием вертикальных и горизонтальных производственных связей, однако традиционно оставалась в рамках тяжелой индустрии. Можно говорить о сложившейся диспропорции в отраслевой структуре производства, получившей свое окончательное оформление в ходе форсированной индустриализации в конце 1920–1930-х гг.

Период новой экономической политики предшествовал индустриализации, служил ее преддверием, так как именно тогда произошло восстановление хозяйства, была создана база для продвижения вперед. НЭП представляет собой пример сосуществование различных экономических укладов, взаимодействие которых происходило в условиях ограниченного функционирования рыночных отношений. Взаимоотношения государственного, кооперативного и частного секторов экономики осуществлялись через рынок и помимо планового воздействия государства должны были учитывать и элемент стихийности. Так называемые «командные высоты» в экономике, которые доминировали как по своему значению, так и по масштабам являлись определяющими для хозяйства Урала. Горнодобывающая и металлургическая промышленность, металлообработка, деревообрабатывающая и химическая промышленность являлись отраслями специализации региона. Оставшиеся отрасли в виде пищевой и текстильной, легкой промышленности в целом, не говоря уже о сфере услуг, находились в зачаточном состоянии. Их восстановление не числилось среди приоритетов властей, именно поэтому в этих отраслях были сильны позиции частного. Торговое посредничество — тем более не могло являться той высотой, которое государство оставляло за собой.

Во-первых, в силу отсутствия опыта, умения эффективной деятельности в данной области и при изменившихся условиях, во вторых, из-за дефицита ресурсов (не только финансовых, но и кадровых). Ориентация на производство средств производства, основным потребителем которых являлось государство, дефицит товаров широкого потребления вот те реалии, которыми приходилось учитывать, решая вопрос о товарообороте Уральского региона. Эти проблемы имели непреходящий характер, уже начиная с XVIII в. и вплоть до начала рыночных реформ 1980–90-х гг., когда потребности в товарах широкого потребления стали удовлетворяться в основном за счет импорта.

Товарный голод был хронической болезнью Урала на протяжении периода нэпа и усугубился в ходе индустриализации, когда приоритетное финансирование строительства заводов-гигантов повлекло за собой наглыв денежных знаков. Товарная масса увеличивалась более медленными темпами. Переход к распределению товаров на основе карточной системы — стал логическим результатом этой диспропорции. В таких условиях торговая деятельность должна была сталкиваться с целым рядом трудностей, которые в меньшей степени проявлялись в других регионах. Удовлетворение потребностей населения в значительной мере зависело от ввоза товаров из других районов страны, т.к. только 1/4–1/3 часть потребляемых уральским населением товаров производилась на месте¹.

Во второй половине 1920-х гг. острота проблемы снабжения не была преодолена. 71% продукции ценовой и 62% всей уральской промышленности в 1926/27 гг. приходилось на производство средств производства, а, следовательно, снабжение широкого рынка было связано с уральской промышленностью весьма слабо². Уральскими хозяйственниками с гордостью отме-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 02-02-00179а.